

— Такой талантливый? — Цинь Сы приподнял бровь.

Он никак не ожидал, что этот молодой человек окажется столь выдающимся.

Хотя университет он заканчивал в Германии, о рейтинговой таблице А-университета он был наслышан — она гремела на всю округу, и при найме сотрудников компании неизменно учитывали этот список.

Попасть туда, как говорили, невероятно сложно, а занять первую строчку — и вовсе нечто запредельное, недостижимое. Бесчисленные одаренные гении рвались к этому высшему месту, прилагая все силы.

Истинную ценность первого места он, конечно же, понимал.

Вот только он никак не ожидал, что кто-то удерживает эту вершину из года в год.

И что — держался на первом месте с самого поступления?

Неужели настолько хорош?

— Конечно талантлив. Удерживать первое место из года в год... Даже мне такое было не под силу, а он уже привык, — Вэнь Шу испытывал жгучую зависть, и в его голосе то и дело проступала кислая нотка. — Неудивительно, что два столпа филологического факультета едва не подрались, пытаясь заполучить его в ученики.

Цинь Сы задумчиво кивнул. Неужели он и впрямь ошибся на его счет? Неужели тот человек на самом деле не такой?

Не успел Цинь Сы додумать эту мысль, как Вэнь Шу снова заговорил:

— К тому же, ты же знаешь, у Синьсинь на уме только ты. Если она услышит, как ты говоришь о ней подобным образом, ей будет очень больно.

Цинь Сы ничего не ответил.

Заметив его привычную реакцию, Вэнь Шу тяжело вздохнул:

— Никто же не заставляет тебя принимать Синьсинь. Это необязательно должна быть она, может найтись кто-то другой. Не собираешься же ты до конца дней оставаться в одиночестве?

— Я убежденный холостяк.

Эта холодная фраза разом заставила Вэнь Шу подавиться словами.

— Постой, с каких это пор ты стал убежденным холостяком? — Вэнь Шу был просто потрясен.

Пусть его друг и оставался таким возрастным девственником, чересчур целомудренным парнем, он никогда не слышал от него заявлений о приверженности холостяцкой жизни.

Вэнь Шу всегда думал, что тот просто еще не встретил никого по душе, не нашел свою предначертанную половинку, а из-за проблем со здоровьем и патологической брезгливости до сих пор оставался один. С чего вдруг он сейчас неожиданно записался в холостяки?

Однако потрясение Вэнь Шу ничуть не тронуло Цинь Сы.

Тот лишь откинулся на спинку кресла и произнес с абсолютно невозмутимым видом:

— Прошу прощения, теперь — да.

Вэнь Шу:...

В комнате отдыха.

Гости разошлись, и та, кто только что переживала бурю эмоций и душевную боль, сумела взять себя в руки.

Вэнь Синьсинь посмотрела на сидевшего напротив утонченного и вежливого юношу. Выражение лица молодого человека ничем не отличалось от прежнего: мягкость, в которой, впрочем, сквозила легкая отчужденность.

Казалось, его вовсе не волновало то, что только что произошло, и у него не возникло ни малейшего любопытства.

Казалось, на лице этого вечно кроткого человека никогда не появятся другие эмоции, его не затронут никакие сторонние происшествия и он останется глух к любым внешним обстоятельствам.

Вспомнив, что она только что ненароком проявила невниманье к собеседнику, Вэнь Синьсинь виновато опустила глаза:

— Прости, старший братец, только что...

На этом слове она смущенно замолчала.

Как же неловко! Предстать в таком неприглядном виде перед едва знакомым старшим товарищем — это позорище!

Даже не глядя на девушку пристально, Чжоу Чжэнцин чувствовал неловкость, написанную на ее лице. Поэтому он не стал развивать тему, которую Вэнь Синьсинь постеснялась озвучить.

— Ничего страшного.

И все же Чжоу Чжэнцин слегка поддразнил ее:

— Человек, который тебе нравится?

Вэнь Синьсинь смущенно потрогала нос:

— А, старший братец, ты догадался? — Спросив об этом, она тут же подумала, что задала глупый вопрос: разве мог такой умный человек, как он, не заметить? — Просто... он мне нравится, а я ему нет.

Чем больше она объяснялась, тем печальнее звучал ее голос.

В глазах Чжоу Чжэнцина мелькнул огонек, но он больше не стал возвращаться к этой теме, переведя разговор на деловое сотрудничество.

Как раз в этот момент отец Вэнь Синьсинь вошел в комнату в сопровождении секретаря.

В то же время.

Те, кто покинул прием загодя, уже вернулись в свои апартаменты.

— Четвертый Господин.

Е reine Цинь Сы вкатили в особняк семьи Цинь, как дворецкий дядя Цинь вышел им навстречу.

— Вернулись так рано, на банкете было скучно?

Он перехватил кресло-коляску и, подталкивая Цинь Сы вглубь дома, попутно расспрашивал о вечере.

— Не прошло и получаса, как Четвертый Господин уже дома. Наверняка завтра господин Вэнь снова придет тащить вас куда-нибудь развлечься.

Цинь Сы покрутил на пальце нефритовое кольцо-нефритку. При мысли о том, что завтра за ним снова явится Вэнь Шу, как и обещал при прощании, Цинь Сы почув глухое раздражение. Неужели нельзя оставить его в покое и дать посидеть дома? До чего же докучлив!

Заметив, что тот снова начинает заводиться, дядя Цинь сменил тему:

— Разве на приеме не было ничего интересного?

Дядя Цинь был старым слугой семьи Цинь и можно сказать вырастил Цинь Сы, поэтому к его словам молодой господин неизменно проявлял терпение.

Сначала Цинь Сы хотел ответить отрицательно, но почему-то в памяти всплыло лицо — лицо человека, встреченного на приеме, которое врезалось ему в память.

— Не то чтобы... совсем ничего интересного, — с некоторой заминкой произнес Цинь Сы.

Встретить кого-то настолько непохожего на остальных — пожалуй, это тоже можно назвать интересным?

<http://bllate.org/book/21854/2267122>